

УДК 94 (410)

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Е.В. Хахалкина

Статья посвящена поиску ответа на вопрос, существует ли общеевропейское самосознание и следует ли использовать это понятие в качестве синонима понятию идентичности Европейского союза. Для ответа на поставленный вопрос автор обращается к опыту Великобритании, до сих пор известной своей «особой позицией» в Европейском союзе. Соединенное Королевство с самого начала развития наднациональной интеграции в западноевропейском регионе занимало «особую позицию», что в полной мере проявилось после вступления страны в Европейские сообщества в 1973 г. Теоретическому обоснованию концепций идентичности на коллективном уровне: национальном или уровне ЕС, посвящено множество исследований. В последние годы в публикациях зарубежных авторов наметилась тенденция к разделению терминов «общеевропейское самосознание» и «идентичность ЕС». Отказ от использования первого понятия продиктован его широтой и сложностью определения. Второй термин отсылает непосредственно к усилиям ЕС по формированию и укреплению коллективного самосознания на уровне Евросоюза и представляется наиболее предпочтительным.

На основании данных «Евробарометра», документов Евросоюза, включая Декларацию идентичности 1973 г., делается вывод, во-первых, о «подвижном» характере идентичности ЕС, во-вторых, об отсутствии общеевропейского самосознания как реально существующего явления на сегодняшний день.

Ключевые слова: Великобритания, европейская идентичность, идентичность Европейского союза, опросы общественного мнения, Декларация о Европейской идентичности 1973 г.

Постановка проблемы. По мере развития европейской интеграции после Второй мировой войны происходило усложнение структуры и деятельности созданных в 1950-е гг. наднациональных организаций, с 1992 г. существующих под единым названием – Европейский союз. Такое усложнение неизбежно приводило и приводит к кризисам и неустойчивости уникального и не имеющего аналогов в мире союза 28 государств. С целью укрепления такого объединения неоднократно на протяжении существования Сообществ/Союза выдвигались идеи о необходимости формирования общеевропейской идентичности. Однако насыщение ее конкретными компонентами в связи с подготовкой проекта Евроконституции в начале 2000-х гг. показало, что в ряде случаев попытки «сплотить» оборачивались упрочнением национальной в противовес общеевропейской идентичности.

Великобритания с самого начала создания наднациональной интеграции в западноевропейском регионе занимала «особую позицию», что в полной мере проявилось после вступления страны в европейские сообщества в 1973 г.

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

Исторически «особость» Соединенного Королевства как европейского государства обусловлена островным положением страны, традициями внешней политики, имперским прошлым в его экономическом, ментальном, культурном и миграционном проявлениях. Осознание и восприятие себя как центра глобальной Pax-Britannica, не замкнутой на европейском континенте, продолжилось и в период деколонизации. После Второй мировой войны империя трансформировалась в Содружество. Попытка Великобритании вступить в Европейские сообщества в 1960-е гг. демонстрирует, что страна не была готова пожертвовать ради вступления ни частью своего суверенитета, ни экономическими преференциями с бывшими колониями. По сути, девизом было «не уступая, заставить уступить других». Вплоть до сегодняшнего дня британское государство остается «неудобным» партнером с особым взглядом по ряду ключевых направлений деятельности ЕС.

Источники и методы. Сущность явления идентичности при всех различиях в трактовках и значениях термина зарубежные исследователи призывают рассматривать как «никогда не завершающийся» или «мимолетный» процесс [1. С. 39, 42]. Идентичность, формируемая на уровне ЕС, безусловно, является «подвижным» конструктом и носит множественный характер, включая национальную, этническую, региональную и другие компоненты. Однако попытки укрепления коллективного самосознания на уровне ЕС в условиях глобализации в ряде европейских стран вызывают обратную реакцию, а именно усиление центробежных тенденций на фоне экономического спада в Евросоюзе.

Наиболее сильны центробежные тенденции в Великобритании, в которой время от времени поднимаются вопросы дальнейшего членства страны в Евросоюзе. Неслучайно европейская идентичность в Великобритании до сих пор концептуализируется и измеряется в противовес национальному самосознанию.

Такая ситуация объясняется тем, что сама наднациональная модель интеграции несла в себе потенциальные угрозы национальному государству. В 1950 г. Великобритания отказалась вступить в переговоры по реализации наднационального плана Ж. Монне, предусматривавшего создание Европейской организации угля и стали. Ее отказ во многом был обусловлен категорическим неприятием идеи передачи национального суверенитета над соответствующими отраслями промышленности на уровень создаваемого Сообщества. С развитием европейской интеграции распространение юрисдикции Европейского сообщества/Европейского союза на другие сферы полномочий национальных государств неоднократно сопровождалось жаркими дебатами между государствами-участниками.

Есть и факторы объективного порядка, «сталкивающие» разные уровни коллективной идентичности. Британский этнограф и социолог Э.Д. Смит относит к таким факторам систему образования [2. С. 72]. Он исходит из того, что один из базовых элементов национальной идентичности – образовательная система – создан государством и для нужд государства. Интерпретация национальной истории страны в системе образования любой страны по определению направлена на укрепление патриотических чувств через противопоставление «свой – чужой». Это в полной мере относится к Соединенному

Королевству, национальный и колониальный опыт которого сформировали особое отношение к европейскому континенту.

Состояние исследований в отечественной и зарубежной историографии. Теоретическому обоснованию концепций идентичности на коллективном уровне – национальном или уровне ЕС – посвящено множество исследований. Всплеск публикационной активности авторов напрямую зависит от состояния дел в ряде сфер деятельности Евросоюза – экономической, социальной, культурной и др. Так, обострение в последние годы миграционных проблем привело к новой волне дискуссий о сущности мультикультурной концепции, ее истоках и результатах в ряде стран ЕС.

В последние годы в публикациях зарубежных авторов наметилась тенденция к разделению терминов « общеевропейское самосознание » и « идентичность ЕС » [3]. Отказ от использования первого понятия продиктован его широтой и сложностью определения. Второй термин отсылает непосредственно к усилиям Еврокомиссии по формированию и укреплению коллективного самосознания на уровне Евросоюза и представляется наиболее предпочтительным.

Множество работ посвящено вопросу, как « измерить » идентичность. Речь, по сути, идет о том, как измерить « чувство ». Неслучайно, коллективную идентичность характеризуют как культурный феномен, в центре которого « **чувство** (выделено мною. – *Е.Х.*) *непрерывности*, разделяемое последующими поколениями отдельно взятой группы населения, и ее совместных воспоминаний более ранних периодов... формирующих коллективную веру в судьбу народа и его культуру (курсив в тексте. – *Е.Х.*) » [2. С. 58].

Одним из инструментов « замера » разных уровней идентичности – национальной, региональной и общеевропейской – являются опросы социологической службы « Евробарометер ». Эта служба действует с 1973 г. и дважды в год составляет отчеты для Еврокомиссии, основанные на изучении общественного мнения по широкому кругу вопросов. В докладах « Евробарометра » анализируются 4 вида коллективной идентичности: региональная, национальная, на уровне ЕС и космополитические взгляды. В этой связи корректным и оправданным с научной точки зрения представляется использование термина « идентичность ЕС », включающего усилия Еврокомиссии по укреплению коллективного самосознания населения на уровне организации.

В отчете « Евробарометра » за 2012 г. составляющими идентичности ЕС были названы единая валюта – евро, демократические ценности, общая история, культура, достижения европейской экономики, географический фактор, флаг, девиз Евросоюза « Единство в многообразии » и гимн [4. С. 27].

Симптоматично, что эти компоненты не носят постоянного характера. Так, например, в отчете « Евробарометра » за 2009 г. фигурировали такие показатели, как высокий уровень социальной защиты и предпринимательской активности, общее религиозное наследие [5. С. 39–40], но отсутствовали единая валюта и символы ЕС.

На современное конструирование и концептуализацию идентичности ЕС оказывают влияние разные факторы. Среди них отсутствие общепринятого определения, многообразие национальных концепций коллективной идентичности и решающая роль политических элит [6. С. 255–256]. В этот про-

цесс вовлечены как законодательные, исполнительные и судебные институты Евросоюза, так и структуры национального уровня. Документы ЕС, согласно проведенному М. Пантел исследованию, содержат классические отсылки к идее Европы и таким ее составляющим, как просвещение, свобода, демократия с упором на общую историю, культуру и традиции Европы [7. С. 49–59].

Также в качестве одного из инструментов формирования идентичности на уровне Евросоюза Еврокомиссия использует тезис об отличиях европейской политики от США и Азии. Наконец, немаловажную роль играют символы ЕС (включая уже упомянутые девиз «Единство в многообразии», флаг, единую валюту и пр.), обменные образовательные программы и региональные фонды развития [6. С. 256].

Национальные стратегии формирования европейской идентичности в ряде стран близки к стратегии Еврокомиссии. Анализ выступлений политических лидеров подтверждает этот тезис. Так, французские политики разного политического спектра, например Ж. Ширак (голлист), Л. Жоспен (социалист), конструировали единую Европу как политический процесс или проект и как взгляд в будущее. Немецкие политики Й. Фишер («партия зеленых») и Г. Шредер (социал-демократ) в своих выступлениях делали упор не столько на процедурные моменты, сколько на концепцию интеграции и вопросы восточного расширения. В большей части их речей использовалась концепция так называемого конституционного патриотизма, предложенная Д. Стернбергером и Ю. Хабермасом в отношении национальной идентичности ФРГ [6. С. 256].

В то же время исследователи обращают внимание на то, что значительная роль политических элит в конструировании идентичности ЕС ведет к снижению роли граждан ЕС в этом процессе, о чем свидетельствуют опросы граждан ФРГ, Великобритании и Испании. Как следствие, формируемая идентичность ЕС приходит в противоречие с национальными стратегиями. Надо заметить, что конструирование идентичности ЕС не было одномоментным процессом. Сама идея наднациональности и тот политический идеал, к которому стремились «отец» европейской интеграции Ж. Монне и другие политики, предполагала построение своего рода сверхгосударства. Внутри него должно было произойти объединение европейских стран во всех наиболее важных сферах и осознание себя как единого целого.

К началу 1970-х гг. в политический лексикон Европы начинает входить термин «европейская идентичность», отношение к которому среди лидеров европейских сообществ не было однозначным. Так, в 1972 г. президент Франции Ж. Помпиду предостерегал от использования термина при обсуждении американо- и советско-европейских отношений как излишне модного и тенденциозного. В 1973 г. в ходе поездки в Италию он заявил, что, хотя «трансатлантические отношения требуют определения «европейской идентичности», оно может стать серьезным вызовом для западноевропейских союзников по НАТО». В действительности же, по мнению историков, «термин "европейская идентичность" оказался очень удобным дискурсивным оружием против Соединенных Штатов, заключая в себе определение европейского актора мирового уровня» [8. С. 74].

На разработку и содержание будущей декларации непосредственное влияние оказала непростая экономическая обстановка, сложившаяся в связи с событиями на Ближнем Востоке. Арабо-израильская война 1973 г. обернулась для европейских стран не только перебоями с поставками нефти, но и скачком цен на товары широкого потребления. Особенно тяжело кризис ударил по «новичкам» Европейского сообщества (с 1967 г. все три наднациональные структуры – ЕОУС, ЕЭС и Евратом – стали именоваться Европейским сообществом) – прежде всего Великобритании.

«Нефтяной шок» не помешал на саммите стран ЕЭС в Копенгагене в декабре 1973 г. лидерам девяти государств поставить свои подписи под «Декларацией европейской идентичности» (далее – Декларация), ставшей знаковым документом и приведшим впоследствии к массовой популяризации термина «европейская идентичность» [8. С. 74–75]. Ни в одном из прежних текстов Сообществ не говорилось об общеевропейском самосознании.

В тексте Декларации создание наднациональных Сообществ было заявлено как «базовая потребность Европы» для гарантии выживания европейской цивилизации. Девять государств-участников обязывались уважать и защищать принципы представительной демократии, верховенство закона, социальную справедливость как конечную цель экономического прогресса и гражданские права – т.е. все то, что является составными элементами европейской идентичности.

Государства-участники подтвердили наличие политической воли для дальнейшего строительства объединенной Европы. «Разнообразие культур внутри общей Европейской цивилизации, принадлежность к общим ценностям и принципам, увеличивающаяся конвергенция отношений к жизни, осознание наличия собственных специфических интересов и решимость участвовать в строительстве единой Европы придают европейской идентичности самобытность и свой собственный динамизм» [9. С. 23].

Декларация должна была послужить связующим все направления внешне- и внутривнутриполитической деятельности Европейского сообщества документом, четко позиционирующим место «Девятки» в мире. Авторы Декларации выражали надежду, что «европейская идентичность будет развиваться в зависимости от динамического строительства единой Европы. «В своих внешних связях, – говорилось в тексте, – Девятка приложит усилия для прогрессивного определения своей идентичности по отношению к другим странам или группам стран», что будет содействовать «оформлению подлинно европейской внешней политики» [9. С. 4].

К 1974 г. категория «европейская идентичность» становится ключевой во французском политическом дискурсе [8. С. 75]. К этому времени относится начало продолжающихся до сих пор дебатов о сущности понятия «Европа», факторах формирования и укрепления европейского самосознания.

В дальнейшем оказалось, что воплотить в реальности прописанную на бумаге общеевропейскую идентичность непросто, и в течение длительного времени документов, подобных Декларации 1973 г., выработано не было [10]. Это было связано как с отголосками мирового кризиса 1973–1974 гг., так и с трудностями расширения и углубления интеграции. Достаточно сказать, что для Великобритании роковым образом совпали вступление в Европейское

сообщество и нефтяной кризис. Страна очень долго оправлялась от тяжелых экономических последствий и далеко не сразу получила от вступления в Общий рынок те дивиденды, на которые рассчитывала. Болезненный процесс вступления до сих пор отзывается на восприятии населением страны своего места внутри ЕС. Достаточно сказать, что вскоре после вступления в Сообщества британские лейбористы выступили с призывом покинуть Общий рынок, списав все последствия Арабо-израильской войны 1973 г. на «враждебный» для экономики Великобритании адаптационный период вхождения в ЕЭС.

В сентябре 1988 г. премьер-министр М. Тэтчер выступила в бельгийском Колледже Европы с речью (ставшей известной как «речь в Брюгге»), в которой она изложила свое видение взаимоотношений Британии и Европы, уделив значительное внимание вопросам общеевропейского самосознания. «Европейское сообщество, – заявляла М. Тэтчер, – представляет собой одно из проявлений европейской идентичности, но не единственное» и призвала не забывать о тех европейских народах, которые остались к востоку от «железного занавеса» [11]. Из выступления следовало, что идентичность на уровне Сообщества, как категория динамичная, подлежит постоянному изменению в процессе развития европейской интеграции.

Этапным событием на пути возвращения к концепции европейской идентичности стали масштабные трансформации на карте Европы в начале 1990-х гг. Дезинтеграция СССР, появление новых государств на карте континента, воссоединение Германии и окончание холодной войны стали серьезным вызовом для Европейского сообщества.

В 1992 г. тогда еще 12 государств-участников Сообщества заключают в Маастрихте (Нидерланды) договор о Европейском союзе. В этом договоре вновь, спустя почти два десятилетия, появляется термин «европейская идентичность». В разделе, посвященном общей внешней политике и политике безопасности, говорилось о необходимости «усиления европейской идентичности». Во времена холодной войны укрепление европейского самосознания шло через противопоставление европейских сообществ как некой третьей силы двум сверхдержавам. В последующий период понимание и самоидентификация в рамках такой схемы были затруднены, что привело к размытым формулировкам Маастрихтского договора. В Амстердамский договор 1997 г. в ст. 8 был добавлен параграф об уважении Союзом «национальной самобытности своих государств-членов» [12. С. 16], что отражало непростую ситуацию с выработкой идентичности ЕС, задачами расширения Евросоюза на Восток и процессами глобализации.

Следующим этапом на нелегком пути складывания идентичности ЕС стала выработка Конституции Европейского союза, формулировки которой должны были отразить уже достигнутое странами-участниками. В проект Договора Конституции ЕС 2004 г. из Декларации 1973 г. были введены выраженные в принятом накануне девизе «Единство в многообразии» понятия о цивилизационном единстве и культурном разнообразии европейских государств. Эти положения до сих пор остаются центральной темой политического дискурса Евросоюза.

Весной 2005 г. судьба проекта Основного закона оказалась в руках населения стран, входивших в Евросоюз. В мае того же года на референдумах во Франции и Нидерландах проект Евроконституции был отклонен. Предшествовавшая этим результатам рекордно низкая явка избирателей на выборах в Европарламент в 2004 г. свидетельствовала о резком спаде интереса населения ЕС к институтам и деятельности организации [13. С. 238]. Итоги референдумов показали, что не следует недооценивать роль национальной идентичности и национальных государств в осуществлении «проекта европейской интеграции».

В Лиссабонском договоре 2007 г., заменившем провалившийся на референдумах во Франции и Нидерландах в 2004 г. проект Евроконституции, было подтверждено и расширено положение об уважении национальных идентичностей. Статья 4, пункт 2 предусматривала соблюдение Союзом принципа равенства стран-участников, уважение национального своеобразия государств-членов, исходящего из их политических и конституционных традиций, в том числе в области местного и регионального самоуправления [14].

Результаты исследования. Компромиссные формулировки Лиссабонского договора не меняют нынешнего положения дел в Евросоюзе. Тезис о «единстве в многообразии» остается не более чем идеалом, и Европа, оставаясь «многообразной», далека от единства. Это подтверждают и отчеты «Евробарометра».

По данным «Евробарометра» за 2012 г., только 42 % жителей Великобритании ощущают себя гражданами Евросоюза [4. С. 21, 24]. Это самый низкий показатель среди стран Евросоюза.

В ходе опросов в 2012 г. респонденты указали в качестве ключевых элементов, формирующих европейскую идентичность, следующие: единая валюта – евро (41 %), демократические ценности (40 %), общая история (26 %), культура (26 %), успехи европейской экономики (21 %), географический фактор (18 %), европейский флаг (16 %), девиз Евросоюза «Единство в многообразии» (12 %), гимн (7 %). В Соединенном Королевстве наиболее важными составляющими идентичности ЕС были названы: демократические ценности, общая история и культура [4. С. 27].

В летнем отчете «Евробарометра» за 2013 г. зафиксировано, что 60 % населения Соединенного Королевства идентифицируют себя только по национальному (а не европейскому) признаку [15. С. 6]. Это самый высокий показатель среди стран Евросоюза. Возможно, отчасти такие цифры объясняются тем, что ключевым элементом идентичности ЕС большинством респондентов была названа единая валюта – евро. Великобритания по-прежнему остается вне зоны евро и не планирует в ближайшем будущем отказываться от фунта стерлингов, уже давно ставшего символом страны и частью национального самосознания граждан.

Полученные результаты подтверждают мнение экспертов: концепцию наднациональной идентичности Великобритании следует определять как **конструкцию негативных отношений** между «ЕС-Европой» и национальным уровнем, в отличие, например, от концепций Франции или ФРГ [6. С. 258].

Любопытно, что два десятилетия назад, в 1993 г., результаты опросов были аналогичными: 59 % жителей Великобритании идентифицировали себя только по национальному признаку. Тогда это был самый высокий показатель в Европе наряду с датчанами и ирландцами [16. С. 83]. Десятилетие спустя, в 2003 г., показатель составлял 62 %, и вновь был самым высоким в Европе [17. С. 27]. На протяжении, по крайней мере, трех десятилетий Великобритания остается последовательно «глухой» к усилиям Еврокомиссии. Возникает вполне закономерный вопрос об эффективности и направленности политики Еврокомиссии по формированию идентичности ЕС.

В отчете 2013 г. при ответе на вопрос «за прошедшее десятилетие Вы стали менее европейцами, чем прежде?» Великобританию предсказуемо «обогнала» Греция, на протяжении последних лет имевшая высокий показатель «евроскептических» настроений, что является прямым следствием тяжелого экономического кризиса, начавшегося в 2008 г. 50 % греков считают, что за последние 10 лет их чувство сопричастности к Евросоюзу было ослаблено, что объясняется настроениями внутри страны, еще недавно намеревавшейся покинуть ряды организации. Второе место (47 %) прочно удерживает Великобритания [15. С. 28]. Среди других «евроскептически» настроенных стран в отчете фигурируют Республика Ирландия, Республика Кипр, Эстония, Болгария, Чешская Республика [15. С. 25]. Такие результаты опросов, очевидно, нуждаются в дальнейшем осмыслении. Напрашивается вывод о том, что историческая и национальная специфика входящих в Европейский союз государств настолько «перекрывает» центростремительную тягу к общеевропейскому самосознанию, что говорить о его существовании как сложившемся феномене невозможно не только на примере Великобритании.

В Соединенном Королевстве такие результаты, помимо «традиционных» евроскептических настроений, как и в случае с Грецией, связаны с серьезными экономическими трудностями. Исследователи говорят о наличии в Великобритании «самого глубокого спада со времени Великой депрессии начала 30-х гг. прошлого столетия» [18. С. 215]. Неслучайно среди мер, направленных на укрепление идентичности ЕС респондентами в опросе называются гармонизация системы социального благосостояния, пенсионная, образовательная реформа, налоговые меры [15. С. 32]. Рост центробежных настроений в Великобритании усиливает ситуация внутри страны. В сентябре 2014 г. в Шотландии должен состояться референдум, вероятным итогом которого может стать выход государства из состава Соединенного Королевства.

Между тем в целом отчеты Евробарометра рисуют оптимистичную картину: более двух третей населения ощущают сопричастность к европейскому и национальному самосознанию [15. С. 4]. Оставшиеся менее одной трети населения, однако, уже не позволяют говорить о наличии *обще*европейского самосознания.

Таким образом, на примере Соединенного Королевства можно говорить о слабо представленной идентичности ЕС. Опыт имперского прошлого, сохраняющиеся связи с Содружеством, в том числе через постоянное обновление взаимных миграционных программ, прежде всего с бывшими доминионами, по-прежнему являются важными составляющими национального самосозна-

ния. История пребывания Великобритании в Евросоюзе до сих пор тянет за собой шлейф крайне неоднозначных и противоречивых чувств со стороны политиков и населения страны. Жители «Туманного Альбиона» продолжают ощущать себя «особой» частью Европы, не вполне интегрированной в ЕС и не идентифицирующей себя с ней как с единым целым.

Литература

1. *Diarmait Mac G.Ch.* Language, Identity and Conflict. A Comparative Study of Language in Ethnic Conflict in Europe and Eurasia. L. and N.Y., 2003.
2. *Smith A.D.* National Identity and the Idea of European Unity. // *International Affairs*, Vol. 68, No. 1. (Jan., 1992).
3. *Methods, Theories, and Empirical Applications in the Social Sciences.* Heidelberg, 2012.
4. *Standard Eurobarometer 77.* Spring 2012. European Citizenship. Report. // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb77/eb77_citizen_en.pdf
5. *Eurobarometer 71.* Future of Europe. European Commission. 2009 // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf
6. *Weisner C.* Constructions of EU Europe and National EU concepts – A Research Agenda. // *Methods, Theories, and Empirical Applications...* P. 255–262.
7. *Pantel M.* Unity-in-Diversity: Cultural Policy and EU Legitimacy. // *Legitimacy and the European Union: The Contested Polity.* Ed. by T. Banchoff and M.P. Smith. L., 1999.
8. *Gfeller A.E.* Building a European Identity. France, the United States and Oil Shock. 1973-1974. N.Y., L., 2012.
9. *Declaration on European Identity* (Copenhagen, 14 December 1973). // http://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf
10. *Cebulac P.* European Constitutional Identity “Inside Out”: Bringing European Jurisdiction Under One Roof. // http://www.pravo.unizg.hr/download/repository/Pola_Cebulak.pdf
11. *Thatcher M.* Speech to the College of Europe. (“The Bruges Speech”) // <http://www.margaretthatcher.org/document/107332>
12. *Амстердамский договор*, изменяющий договор о Европейском союзе, договоры, учреджающие Европейские сообщества, и некоторые относящиеся к ним акты. М., 1999.
13. *Latcheva R., Datler G. & Rossbacher E.* The Concept of European Identity: Overused or Underspecified? // *Methods, Theories, and Empirical Applications in the Social Sciences.* Heidelberg, 2012.
14. *Договор о Европейском союзе* (в редакции Лиссабонского договора). // <http://eu-law.ru/treaties/teu>
15. *Eurobarometer (EB79.5).* 2013. *European Parliament* “One Year to go until the 2014 European Elections”. Analytical Overview. Brussels, 21 August 2013.
16. *Eurobarometer.* 1993. *European Commission.* Public Opinion in the European Union. December 1993. // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb40/eb40_en.pdf
17. *Eurobarometer 60.* 2003. Public Opinion in the European Union. Autumn 2003. // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb60/eb60_rapport_standard_en.pdf
18. *Хесин Е.* Великобритания: «чрезвычайный бюджет». // *Год планеты: ежегодник.* / Институт мировой экономики и международных отношений РАН. Вып. 2010: Экономика, политика, безопасность. – М., 2011. С. 215–224.

Поступила 30 марта 2014 г.

Khakhalkina Elena V., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

THE EUROPEAN UNION, UNITED KINGDOM AND COMMON EUROPEAN IDENTITY.

Key words: Great Britain, European identity, EU identity, public opinion polls, Declaration on European identity 1973.

Khakhalkina's article addresses the issue of a common European identity and whether the term can be used as a synonym for a European Union identity. To answer this question the author refers to

the experience of Great Britain, which is known for its “special position” in the European Union since joining the European Community in 1973.

Khakhalkina draws upon a great deal of theoretical literature on the concept of identity and its collective manifestation at the EU level. She finds that in recent years the terms “common European identity” and “EU identity” have often been separated. The former is too broad and complex to be used meaningfully, whereas the latter refers directly to the efforts of the European Commission to build and strengthen the collective consciousness at the level of the EU and is therefore preferred.

With specific reference to British identity within the EU, the author stresses that the British are the least integrated of all European countries, which she believes may be a consequence of their imperial past and migration flows between their former dependencies.

Drawing on the theoretical material and the British case study, Khakhalkina concludes that the nature of EU identity is in fact “mobile” and there is an absence of wider European identity.

References

1. Diarmait Mac G.Ch. *Language, identity and conflict*. A comparative study of language in ethnic conflict in Europe and Eurasia. L. and N.Y., 2003.
2. Smith A.D. National identity and the idea of European Unity. *International Affairs*, 1992, vol. 68, no. 1.
3. Salzborn S., Davidov E., Reinecke J. (eds.) *Methods, theories, and empirical applications in the social sciences*. Heidelberg, 2012.
4. *Standard Eurobarometer 77*. Spring 2012. European Citizenship. Report. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb77/eb77_citizen_en.pdf.
5. *Eurobarometer 71*. Future of Europe. European Commission. 2009. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf.
6. Weisner C. *Constructions of EU Europe and National EU concepts – A Research Agenda*. In: Salzborn S., Davidov E., Reinecke J. (eds.) *Methods, theories, and empirical applications in the social sciences*. Heidelberg, 2012, pp. 255-262.
7. Pantel M. *Unity-in-Diversity: Cultural policy and EU legitimacy*. In: Banchoff T., Smith M.P. *Legitimacy and the European Union: The Contested Polity*. L., 1999.
8. Gfeller A.E. *Building a European identity. France, the United States and Oil Shock. 1973-1974*. N.Y., L., 2012.
9. Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December 1973). Available at: http://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf
10. Cebulac P. *European Constitutional Identity “Inside Out”: Bringing European Jurisdiction Under One Roof*. Available at: http://www.pravo.unizg.hr/_download/repository/Pola_Cebulak.pdf.
11. Thatcher M. *Speech to the College of Europe. (“The Bruges Speech”)*. Available at: <http://www.margarethatcher.org/document/107332>.
12. The Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the treaties establishing the European Communities and certain related acts. Moscow, 1999. (In Russian).
13. Latcheva R., Datler G., Roszbacher E. *The Concept of European Identity: Overused or Underspecified?* In: Salzborn S., Davidov E., Reinecke J. (eds.) *Methods, theories, and empirical applications in the social sciences*. Heidelberg, 2012.
14. *Treaty on European Union* (as amended by the Lisbon Treaty). Available at: <http://eulaw.ru/treaties/teu>.
15. *Eurobarometer (EB79.5). European Parliament*. “One Year to go until the 2014 European Elections”. Analytical overview. Brussels, 21 August 2013.
16. Eurobarometer. *European Commission*. Public Opinion in the European Union. December 1993. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb40/eb40_en.pdf.
17. *Eurobarometer 60*. Public Opinion in the European Union. Autumn 2003. Available at: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb60/eb60_rapport_standard_en.pdf.
18. Khesin E. Velikobritaniya: “chrezvychaynyy byudzheth” [United Kingdom “emergency budget”]. *God planety: ezhegodnik*, Moscow, 2011, pp. 215-224.